

К 205-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н. А. НЕКРАСОВА

УДК 821.161.1-14; 130.2

DOI 10.37386/2305-4077-2026-3-35-49

© М. Ю. Данилевская¹

*Русская христианская гуманитарная академия им.
Ф. М. Достоевского (Санкт-Петербург, Россия)*

ЛИРИКА Н. А. НЕКРАСОВА И ИДЕИ В. ФРАНКЛА: ПОИСК ЛИЧНОГО СМЫСЛА. СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ. ВЫСКАЗЫВАНИЯ НЕКРАСОВА О ПОИСКЕ ЛИЧНОГО СМЫСЛА В КОНТЕКСТЕ КРИТИЧЕСКИХ СУЖДЕНИЙ О РЕАЛИЗМЕ

В исследовании предпринимается сопоставительный анализ лирики Н. А. Некрасова (1821–1877) и основных идей В. Франкла (1905–1997). Психолог и философ Франкл на основании личного опыта узника концлагеря утверждает, что человеку необходимо найти личный смысл своего существования и следовать ему. Нахождение смысла есть поступок, который продиктован «упрямым духом» человека, проявляющимся в критически тяжелых ситуациях. Идеи и психологическая практика Франкла (XX век) получили громадный резонанс на его родине и за рубежом, в том числе в России.

Корпус лирических стихотворений Некрасова (XIX век), любимого поэта нескольких поколений и классика русского реализма, обнаруживает примерно 100 произведений, в которых, сформулированная или нет, затронута проблема личного смысла: его отсутствия, поиска, обретения, утраты, нехватки для личности. В статье первой проанализированы стихотворения Некрасова, написанные под влиянием идей социалистов-утопистов, почерпнутых из бесед с В. Г. Белинским, и освещающие жизнь «маленького человека», сталкивающегося с «государственной машиной». Поэт акцентирует действие на человека обстоятельств непреодолимой силы как обесмысливающих его жизнь. В статье второй содержится анализ поэтических и эпистолярных текстов Некрасова, в которых проблема личного смысла (отсутствия, поиска, утраты, обретения) связана с понятием экзистенциального отчаяния. В данной, третьей, статье продолжается анализ поэтических текстов Некрасова, в которых просматривается проблема отсутствия личного смысла у героя стихотворения, но в этой выборке текстов поэт ставит вопрос о личной воле человека, о связи его воли с личными ценностями и способностью к целеполаганию. Данный ракурс обращает исследовательское внимание к специфике формирования реализма в поэзии Некрасова. **Продолжение следует.**

¹ Мария Юрьевна Данилевская – кандидат филологических наук, магистр философии, ведущий специалист отдела сопровождения научных проектов Русской христианской гуманитарной академии им. Ф. М. Достоевского (Санкт-Петербург, Россия). ORCID: 0009-0008-1217-9497. E-mail: m.danilevs@gmail.com.

Ключевые слова: Н. А. Некрасов, В. Франкл, личный смысл, экзистенциальная тревога, любовь, творчество, труд, реализм

Mariya Yu. Danilevskaya

*Russian Christian Academy for the Humanities named
after Fyodor Dostoevsky (Saint Petersburg, Russia)*

THE LYRICS OF N.A. NEKRASOV AND THE IDEAS OF V. FRANKL: THE SEARCH FOR PERSONAL MEANING. ARTICLE THREE. NEKRASOV'S STATEMENTS ON THE SEARCH FOR PERSONAL MEANING IN THE CONTEXT OF CRITICAL JUDGMENTS ON REALISM

This study provides a comparative analysis of the poetry of N. A. Nekrasov (1821–1877) and the fundamental ideas of V. Frankl (1905–1997). Based on his personal experience as a concentration camp prisoner, psychologist and philosopher Frankl argues that a person must find and pursue personal meaning in their existence. Finding meaning is an act dictated by a person's "stubborn spirit", which manifests itself in critically difficult situations. Frankl's ideas and psychological practice (20th century) resonated enormously in his homeland and abroad, including Russia.

The corpus of lyric poems by Nekrasov (19th century), a beloved poet of several generations and a classic of Russian realism, contains approximately 100 works that, whether formulated or not, address the issue of personal meaning: its absence, search, acquisition, loss, and lack thereof. The first article analyzes Nekrasov's poems, influenced by utopian socialist ideas gleaned from conversations with V. G. Belinsky. They illuminate the life of the "little man" confronted with the "state machine". The poet emphasizes the impact of force majeure on individuals as rendering their lives meaningless. The second article analyzes Nekrasov's poetic and epistolary texts, in which the problem of personal meaning (absence, search, loss, acquisition) is linked to the concept of existential despair. This third article continues the analysis of Nekrasov's poetic texts, which address the problem of the poem's protagonist's lack of personal meaning. However, in this selection of texts, the poet raises the question of personal will, the connection between this will and personal values and the ability to set goals. This perspective draws the researcher's attention to the specifics of the formation of realism in Nekrasov's poetry. **To be continued.**

Keywords: N. A. Nekrasov, V. Frankl, personal meaning, existential anxiety, love, creativity, work, realism

Введение

Ведущими характеристиками творчества Некрасова считаются его социальность и приверженность к реалистическому направлению, собственно,

и окрепшему в русской литературе во многом благодаря его усилиям. В науке это общее место закрепилось благодаря современникам поэта, чьи труды легли в основание не только Некрасоведения, но и литературоведения как науки; особую роль сыграл сотрудник его журнала А. Н. Пыпин. В ряде работ академического литературоведения начала XX в., а впоследствии и XX-го искусство рассматривалось как общественно значимый акт в народно-освободительном движении, биография и творчество Некрасова, начиная с критических высказываний о нем, связывалось с фигурами либералов и разночинцев – революционных демократов (подробнее см.: [Данилевская, 2022в, с. 13–18]). Литературоведение как наука (так же как история) закладывалось на основаниях позитивизма, заявляющего о приоритете факта в его естественно-научном понимании (о спорности такой установки см.: [Данилевская, 2026б]); литературный процесс и история понимались с позиций детерминизма и прогрессизма. Отметим: с такой трактовкой согласуются стихотворения Некрасова, рассмотренные в статье первой [Данилевская, 2026в]. Но не согласуется гораздо большее число некрасовских произведений.

Еще в 1916 г., выступая против подобного подхода, Н. А. Бердяев высказал несколько соображений, актуальных для размышления о «воле к смыслу», о котором говорит В. Э. Франкл. «Научно-позитивная, эволюционная теория развития – консервативна, она отрицает творческий характер развития, не допускает прироста, прибыли в мире. Для материализма и эволюционизма в мире ничто не творится, а лишь перераспределяется» [Бердяев, 1916, с. 96]; «Детерминирована только эволюция; творчество не вытекает ни из чего предшествующего» [Там же, с. 100], – пишет Бердяев; «Задача жизни – не педагогическая, не усвоительная, а творческая, обращенная вперед» [Там же, с. 224]. Философ, представитель русского экзистенциализма и персонализма (направления, ставящего в центре своего внимания человеческую личность), скептически относится к науке о литературе, в особенности сосредоточенной на реалистическом направлении и «кружковом характере» культурно-исторической школы (А. Н. Пыпин и др.) (подробнее см.: [Там же]). Жизнь и творчество, различные, так сказать, в прикладном и технологическом отношениях, подчиняются задаче рывка вперед. Творение, «прирост», «прибыль в мире» некой ценности совершается не силой инерции чего-то в прошлом, а направлением и силой рывка; возможно, детерминированность – это то, что хотел бы обеспечить будущему человек, совершающий рывок.

К мыслям Бердяева близки формулировки Франкла: «человек – это меньше всего продукт наследственности и окружения; человек в конечном счете сам решает за себя!» [Франкл, 1990, с. 49]. Размышляя о детерминизме, Франкл

приводит случай «двух братьев-близнецов. Один из них стал изобретательным преступником, другой – изобретательным криминалистом. Изобретательность могла быть передана по наследству, но стать преступником или криминалистом, как в этом случае, – это вопрос отношения. Наследственность – это не более чем материал, из которого человек строит сам себя. Это не более чем камни, которые могут быть использованы, а могут быть отвергнуты строителем. Но сам строитель – не из камней» [Франкл, 1990, с. 79].

Повторяемые Франклом слова об «упрямом духе» и «воле к смыслу» требуют, чтобы психолог / пациент, писатель / читатель, любой человек в трудной жизненной ситуации удерживал в центре внимания то, что зависит и должно зависеть от него самого, то, что может стать предметом его приложения собственных сил. Особенно актуально – считает Франкл – сделать это в ситуации, где от тебя ничего не зависит и ты ничего не можешь сделать; от обвинений в том, что «это просто слова», его защищает его собственный опыт и опыт тех, с кем он был рядом.

Анализ стихотворений Некрасова, предпринятый в статье второй [Данилевская, 2026а], показывает, что и автору, и лирическому герою было ведомо чувство экзистенциального отчаяния. Оно занимает большое место в творчестве поэта. Прочтение ее под таким углом зрения корректирует соображения о продуктивности применения к ней принципа детерминизма. Следовательно, предлагаемая интерпретация дополнительно освещает представление о формировании русского реализма.

Против упрощения реализма: 1840-е годы

Стихотворения Некрасова относятся к программным в процессе развития русского реализма, уточним – «критического реализма», согласно термину, введенному М. Горьким в 1933–1934 гг. В настоящее время этот термин едва ли актуален ввиду отмены базовой установки изучения литературы как инструмента общественно-политического процесса, делавшей нежелательной иную оптику. Но и рамки термина «критический реализм» не вмещают те смыслы, которые открываются при вдумчивом чтении поэзии Некрасова. Более того, о сложности реализма высказывался П. В. Анненков, который ввел этот термин. В его статье «Заметки о русской литературе прошлого года» (1848) [Анненков, 1849, с. 1–23], в рассуждении о Ф. М. Достоевском и писателях, подражающих ему, высказаны: «Появление *реализма*² в нашей литературе произвело сильное недоразуме-

² Здесь и далее курсив наш. – М. Д.

ние, которое уже пора объяснить. <...> Эти геркулесовы столбы, за которые уже не переходит поэтическая фантазия писателей, образуются из двух фигур — кто их не знает? — человека ничтожного, убитого обстоятельствами, и человека разгульного, не понимающего их. <...> горизонт крайне узкий, отсутствие житейской опытности и разнообразной подметки явлений. <...> При постоянном осуществлении одних и тех же типов, место свободного творчества должна была заступить наконец работа чисто механическая; действительно, так и случилось. <...> Неисчерпаемый источник всех неожиданных и поучительных рассказов — душа человека определена здесь заранее и притом по одному образцу, словно столб большой дороги» [Там же, с. 9–10]. Анненков указывает на примитивную схему зоклчений жертвы обстоятельств. В ней, помимо упрощенно понятого детерминизма, отметим позицию жертвы (о ее принципиальном значении при анализе поэтической мысли Некрасова оговорено: [Данилевская, 2026в]) и замечание о «механической работе» «по образцу»: замечание критика предвосхищает слова Бердяева о «перераспределении» имеющегося, когда «ничто не творится».

В данном случае Анненков, сотрудник некрасовского «Современника», добрый его знакомый на протяжении всей жизни поэта, оказывается близок по мысли к С. П. Шевыреву, который двумя годами ранее высказался о некрасовских стихотворениях: «Он рисует вам в стихах извозчика, пьяницу... Но пьяница его только что пьяница, а извозчик только что извозчик, говорящий стихами» (1846) [Шевырев, 1846, с. 184]. Шевырев возмущен тем, что «человек ничтожный, убитый обстоятельствами» (говоря словами Анненкова) и сам для себя, и для поэта исчерпывается этой данностью, в которой не просматривается ни образ Божий (что существенно для набожного Шевырева), ни образ человеческий, в котором биологическое должно уступать духу и разуму. В романтизме, который много пародировал Некрасов, творец (поэт, художник) уподоблялся Творцу; Некрасов «сотворил» «только что пьяницу», то есть «ничтожного» человека, который и в мыслях автора стихов не преодолел своей «ничтожности».

Критическое замечание точное. Оно справедливо по отношению к ряду стихотворений, поскольку Некрасов показал без иллюзий те «творения», которыми населен мир, устроенный по принятым правилам: плохи оказываются и жесткие правила, и слабый, отчаявшийся мир. И точность замечания Шевырева точечна, если рассматривать творчество Некрасова и до, и после 1846 г., особенно в совокупности с его эпистолярной прозой, и тем более — в ином контексте, какая попытка и предпринимается теперь.

И «ничтожный», и «разгульный» типы являются *жертвой* обстоятельств, понимаемых ими или нет. Проанализированные в первой статье стихотворения Некрасова также живописуют людей, оказавшихся в положении *жертвы*. Однако сам поэт видит проблему человека и глубже, и шире, и он решает ее посредством личного выбора и *поступка*. Ср: «Человеческая свобода – это конечная свобода. Человек не свободен от условий. Но он свободен занять позицию по отношению к ним. Условия не обуславливают его полностью. От него – в пределах его ограничений – зависит, сдастся ли он, уступит ли он условиям. Он может также поднаться над ними и таким образом открыться и войти в человеческое измерение» [Франкл, 1990, с. 32].

В письме к сестре Елизавете от 9 ноября 1840 г. Некрасов рассказывает, как, ища себя в мире литературы и журналистике, терпя нужду, голод, он борется с собой и отягощен сомнениями в себе и смысле своей деятельности:

«Я день и ночь тружусь для суеты,
И ни часа для мысли, для мечты...

<...> Что это за странная, за беспокойная жизнь человеческая, которая *сама не знает, чего ищет, чего ждет*. Пройдут годы – нет и в помине прежних чувств, прежних желаний, все они кажутся уже глупыми, *не стоившими ни труда, ни борьбы с препятствиями*. Настанут *новые желания, стремления* – и вот *ты снова* хлопчешь, суетишься, *перемогаешь самого себя*. И что же? И они, в свой черед, кажутся смешными, глупыми... и так далее до самой кончины... Грустно! <...> Тяжела борьба души с телом, тяжела борьба человека с самим собою» [Некрасов, т. 14, кн. 1, с. 30–31]³.

Деятнадцатилетний Некрасов связывает свое состояние с понятием смысла – общей жизни, личной его жизни в общем потоке, своих усилий. Переоценка стремлений и желаний и работа над собой свидетельствует о целеполагании его усилий⁴, о векторе его движения «зачем» (даже если «зачем-то»), а не «почему».

³ Цитаты из произведений и писем Н. А. Некрасова приводятся по изданию ПССиП 1981–2000 гг., Далее номер тома и книги указывается в круглых скобках после цитаты.

⁴ Позднее он иронически описывает свои мечты в неоконченном романе «Жизнь и похождения Тихона Тростникова»: «По приезде в Петербург, не более как через десять дней, я надеялся иметь кучи золота и громкое имя» (т. 8, с. 60). Мечты о «кучах золота» сменились на стремления к твердому финансовому положению, которого он достиг к 1844 г. (т. 13, кн. 2, с. 48), поиск себя как поэта внешне выглядел путем отказа от себя и разбрасыванием в разные стороны, в ретроспективе же понятна неотступность Некрасова от стремления выразить себя именно в этом качестве (подробнее см.: [Данилевская, 20226]).

В письме к сестре Анне от 9 октября 1842 г., в котором поэт касается памяти матери (†1841) и только что скончавшейся сестры Елизаветы, он пишет: «...во всем, зависящем лично от тебя, ты всегда будешь достойна своей сестры и матери, на памяти которых не лежит упрека ни в чем. *В нашем тяжелом и горьком состоянии что же и осталось нам в утешение, как не чувство собственного достоинства, как не сознание силы душевной в борьбе с обстоятельствами враждующими?*» (т. 14, кн. 1, с. 45).

Письма юного Некрасова свидетельствуют о том, что он уже знаком с состоянием экзистенциального отчаяния [Данилевская, 2026а]. Поступком же (в понимании Франкла) является именно его «воля к смыслу», которая просматривается «на длинной дистанции» его пути, внешне похожего на метания и разбросанность. Нет, повторимся, можно сказать, что стихотворные фельетоны и фельетонная критика, социальная сатира и издания в духе «натуральной школы», проза «из хлеба», водевили и мелодрамы (подробней см.: [Данилевская, 2022б]), – вся разносторонняя деятельность осуществлялась человеком, который *уже* сознавал важность обретения личного смысла в частной жизни человека и тем более в творчестве. Стилевые поиски в мелодраме (подробней см.: [Данилевская, 2026г, с. 22–36; Данилевская, 2022а, с. 268–270]), романе-памфлете и фельетоне (подробней см.: [Данилевская, 2022б, с. 94, 152, 175–182, 187, 225, 284 и т. д.]), физиологическом очерке, компромиссы с собой, связанные сугубо с заработком (подробней см.: Данилевская, 2022б, с. 83, 255–258, 319–320, 428]), осуществлялись поэтически одаренным человеком, который *еще* не обрел свой голос, но *уже* задался экзистенциальными вопросами (одиночество, смерть, абсурдность бытия, вина, свобода, ответственность, смысл). Утешение в пожизненном сохранении человеческого достоинства перед враждебными обстоятельствами высказано Некрасовым как личное убеждение за несколько лет до стихотворений «В дороге», «Пьяница», «Чиновник» и т. д. В его зрелых реалистических произведениях эта проблематика углубляется. Таким образом, еще в 1840-е гг. для Некрасова и для его окружения понимание актуальных проблем реализма в искусстве подразумевало пристальное внимание к душевным процессам и необходимость вскрыть экзистенциальный смысл того, что представляется обыденным и привычным.

В обыденной жизни ординарных людей проблемой, осознаваемой или нет, стал экзистенциальный вакуум, то есть ощущение бессмысленности их усилий и душевной пустоты. В ряде произведений злая сила обстоятельств говорит *во-первых*, и она же произносит последнее слово. В приведенной ниже выборке поэт делает акцент в первую очередь на личном качестве человека, от чьего лица

ведется повествование. Причины конфликта с собой и внешним миром разнообразны, но они *во-первых* связаны с субъектом действия.

Человек может быть наделен чертами характера, мешающими ему проявиться.

«*Застенчивость*»⁵ (1852). Этой чертой обладал сам поэт (Панаева описывает, как он «был сконфужен», «горбился», дотрагивался без необходимости до лица [Панаева, 1986, с. 100], а также Ф. М. Достоевский и В. Г. Белинский (несмотря на грубую и агрессивную манеру спора, в женском и светском обществе последний мог теряться и смущаться). «Прототипы», страдая от застенчивости, шли вперед, движимы личными ценностями и «упрямством духа». Литерический герой, стесняющийся себя и людей, говорит о своем «бессилии». Он лишен «воли к смыслу» и предаёт себя дальнейшим неудачам.

Человек может быть сдавлен ущербным, гнетущим воспитанием и опытом.

«*Филантроп*» (1853). Неумение держаться приводит непьющего, но отчаявшегося просителя к истерическим слезам перед филантропом, а когда его в этом состоянии по ошибке принимают за пьяного – к алкоголю, хотя от него зависит судьба отчаявшейся жены и голодных детей; в стихотворении сказано, что они страдали во время этой долгой истории, жена умерла, дети оставили отца-пьяницу.

На первый взгляд и тот и другой – «люди, убитые обстоятельствами» (Анненков). Или живущие в обнимку с обстоятельствами-убийцами.

Человек может прийти в отчаяние от неудач и захотеть свести счеты с жизнью.

«*Давно – отвергнутый тобою...*» (1855), «*Извозчик*» (1855), «*Утро*» (1874), «*Похороны*» (1860), «*Ты не забыта*» (1877). Во всех названных стихотворениях некто либо хочет лишиться себя жизни, либо сделал это. В «Утре» констатация совершившегося самоубийства «кого-то» выступает как маркер обыденности, погружающей эмпатичного человека в страдание (т. 3, с. 118). В стихотворении «Ты не забыта» Некрасов выражает сочувствие к той, которая не мирится с невозможностью что-то изменить, принести пользу своей жизнью, и в этом поэтическом оплакивании ее самовольный уход из жизни видится поэту поступком. Однако поступком, открывающим невыносимость именно *утраты личного смысла* в собственной жизни.

⁵ Здесь и далее полужирный курсив названий наш. – М. Д.

Именно фокус на наличии или отсутствии в *каждом из множества* людей «воли к смыслу» и «упрямого духа» обнаруживает, насколько глубоко и в каком широком диапазоне Некрасов видит проблему.

Человек может ощущать бессмысленность своего существования вследствие недуга.

«**Тяжелый крест достался ей на долю...**» (1855) (т. 2, с. 164–165); отметим, что героиня, по-видимому, также ощущает бессмысленность своего существования. Любящий ее друг говорит о скорой смерти, а она равно бессильна ему помочь в его болезни и опровергнуть его подозрения на ее счет. «**Памяти <Асенков>ой**» (1854–1855) (т. 2, с. 146–148): герой вызывает в памяти любимое воспоминание, поскольку *его* личный смысл им утрачен вследствие болезни и идущего угасания; сходные ощущения героя в «**Замолкни, Муза мести и печали!...**» (1855) (т. 2, с. 182). Герой стихотворений испытывает экзистенциальное отчаяние – как испытывал его и сам Некрасов, который продолжительное время не знал, что он выправится.

В каждом из названных стихотворений картина и сложнее, и объемнее. В стихотворении «Тяжелый крест...» ощущение бессмысленности порождается безысходностью страданий и безрезультатностью усилий одного смягчить горе другого, но от катрена к катрену оба персонажа постепенно индивидуализируются, а изображение их психологического состояния обретает многогранность; отметим, что индивидуализация противоположна типизации, а также что она опровергает упрощенно-детерминистское представление о человеке в художественном мире Некрасова. В свете идей Франкла существенно то, что в экзистенциальное отчаяние погружены оба героя, однако попытки утешить возлюбленную предпринимает тот, чьи дни сочтены, а не та, что «цветка весеннего свежей» (подробней см.: [Данилевская, 2026г, с. 160–167]): две позиции очень наглядны.

Сходным образом *поступком* являются обращения умирающего Некрасова к Зине (Фекле Анисимовне Викторовой, его подруге, в последний год его жизни жене) в стихотворениях сборника «**Последние песни**» (1877): «Ты еще на жизнь имеешь право» (т. 3, с. 175);

Говори, что ты довольна другом:
В торжестве одержанных побед
Над своим мучителем недугом
Позабыл о смерти твой поэт! (т. 3, с. 201)

Аналогичным образом можно рассматривать подготовку сборника «**Стихотворения Н. Некрасова**» (1856), когда поэт и его ближайшее окружение были уверены, что дни его сочтены.

Воскрешение образа любимой артистки в «Памяти <Асенков>ой» созвучно фразе Некрасова из письма к В. П. Боткину о недавно умершем Т. Н. Грановском: «О Грановском можно сказать, что он *уже тем был полезен, что жил*, и это не будет преувеличено, а как вдумаясь в эти слова, так ведь *это величайшая похвала, какую можно сказать человеку!*» (т. 14, кн. 1, с. 231). Поэтическое поминовение, творческий акт благодарности есть *поступок* «разрушающегося» человека, который он смог совершить, и *смысл*, который он открывает в жизни героя его суждения; в собственной жизни посредством творческого акта; в жизни других, которым этот смысл указан.

Внешняя бессмысленность сопротивления на последней стадии болезни опровергается «волей к смыслу»: человеческим чувством, желанием утешить и ободрить ближнего, видящего невыносимые картины, доброй памятью, творческим актом. Личный и поэтический опыт Некрасова является ответом на вызов экзистенциальной ситуации и на ту мысль, которую она первой вызывает в узнанном о ней человеке и читателе его стихов. Дни сочтены, усилия бессмысленны – усилия наполнены экзистенциальным смыслом.

Человек может уступать внешне бессмысленной и обесценивающей его окружающей обстановке:

«*Забытая деревня*» (1855), «*Эй, Иван!*» (1868), «*О, пошлость и рутина – два гиганта...*» (1855), «*Над чем мы смеемся...*» (1874). Дюжинные и неудачливые люди таковы потому, что отдают свои ценности (личные отношения или возможность изменить судьбу) чужому поверхностному мнению (зачастую обесцениванию) и воле обстоятельств. Нередки примеры, когда, в отличие от персонажей «Забывшей деревни», крестьяне (немалое число ярославцев, знакомых Некрасова) шли «в питерщики», а сам поэт ради личных ценностей выносил самые нетривиальные обстоятельства, часто именно одолевая «пошлость и рутину» (пример тому – его успешный многолетний издательский и редакционный опыт). В стихотворении «*Школьник*» (1856) (т. 2, с. 34–35) лирическому герою рисуется картина *широких возможностей*, несмотря на общие условия жизни «Посреди тупых, холодных // И напыщенных собой!» (т. 2, с. 35). Мальчику сообща по доброй воле собирают мелкие деньги, чтобы отправить его учиться; по дороге ему, пешему, предлагают подвезти; попутчик надеется, что впоследствии с чьей-нибудь помощью мальчик попадет в Москву и станет учиться в университете; он вспоминает биографию М. В. Ломоносова. В сравнении с ранней социальной поэзией Некрасова картинка может показаться сусальной. Но по мысли более глубокой, по чаянию поэта, «школьник» обретет «славную» биографию,

если последует «воле к смыслу» вопреки обстоятельствам, в которых заведомо сильней «тупые» и «холодные».

Трактовка приведенных и других, не разбираемых здесь, стихотворений Некрасова не может быть исчерпана простой констатацией того, что человек есть *жертва* социальной несправедливости, обстоятельств, собственной травмы и т. д. (эта тема требует отдельного разговора), а главное, не является жесткой фиксацией на роли жертвы, моделью мышления с этим центральным понятием. В рассмотренных стихах высказано *беспокойство человека по поводу себя* – осознал ли он проблему личного смысла, а стало быть, и личной ответственности, или нет. Либо это беспокойство может возникнуть у вдумчивого читателя.

Тема экзистенциального беспокойства в связи с самим собой (как частным человеком, как поэтом) и в связи с современниками, внутренним обликом поколения, настолько обширна, что здесь можно лишь коснуться ее, упомянув самое малое число стихотворений.

«*Замолкни, Муза мести и печали!...*» (1855) (т. 1, с. 182), «*Демону*» (1855) (т. 1, с. 184), «*Возвращение*» (1864) (т. 2, с. 167), «*Человек сороковых годов*» (1866–1867) (т. 3, с. 27). Лирический герой сознаёт, что он утратил бессонное беспокойство о высших вопросах, устал от сильных чувств, боится «гибнуть жертвой убеждения». Интенсивность внутренней жизни для него связана с аксиологической вертикалью, в которой ведущими ценностями выступают именно дело, которому человек служит, его творчество и его любовь. Эти ценности как самые актуальные век спустя называет Франкл: «Единственность, уникальность, присущие каждому человеку, определяют и смысл каждой отдельной жизни. Неповторим он сам, неповторимо то, что именно он может и должен сделать – в своем труде, в творчестве, в любви» [Франкл, 2019, с. 65]. Отметим, что и тема любви в поэтическом наследии Некрасова несводима к разговору о личном чувстве: поэт говорит про «великое дело любви» («*Рыцарь на час*» (1862) (т. 2, с. 134–139).

Такие совпадения могли бы показаться общим местом, если бы не острота этих вопросов для лирического героя Некрасова, да в более общем смысле и для каждого из нас, осмысляющих исторический опыт текущего, или XX-го, или XIX-го века, включая опыт, в котором создан метод Франкла и его историческая книга. В стихотворениях Некрасова ослабление связи с ценностями и интенсивности, с которой он отдаётся делу, для лирического героя и, конечно, самого автора синонимично частичной утрате себя, отчуждению от себя: «Я сам себя, читатель, нахожу, // А это всё, что нужно для поэта», «*Уныние*» (1874)

(т. 2, с. 132–137). В «Возвращении» утрата себя выражена через чувство отторжения, которое вернувшийся ощущает при виде природных явлений, живущих своей жизнью с полной силой (подробней см.: [Данилевская, 2022а, с. 38–41]). Стихотворение «Человек сороковых годов» не только психологично – оно содержит описание культурно-исторического типа, которому и дало название. Размышление о проблеме применительно к обществу, к своему поколению с его неполнотой душевного усилия и половинчатой позицией по отношению к добру и злу раскрывается в поэзии Некрасова через аллюзии и реминисценции из Данте через параллель с грешниками, от которых не останется памяти по причине их индифферентности к добру и злу⁶ (см.: [Данилевская, 2022а, с. 220, 224–241]). Многочисленные примеры из произведений Некрасова указывают на актуальность вопроса о личном смысле для поэта и близких ему героев, созданных его поэтической мыслью.

Выводы

Рассматривая творчество Некрасова (вкуче с его эпистолярием) как существенную часть русского реализма, констатируем, что поэт изначально не замыкался в «критическом» изображении «низкой» действительности. Его видение и понимание как жизненного процесса, так и художественного мира неизменно включало экзистенциальное переживание жизни, приближающейся смерти, ответственности, одиночества, свободы и зависимости от обстоятельств, веры, любви. Наследие Некрасова плодотворно исследовать в этом направлении.

Реализм как стремление понять и правдиво показать жизнь в ее противоречиях и многообразии изначально предполагает обращение к экзистенциальным вопросам, чему примером служит, как показано выше, творчество Некрасова и, как многократно констатировано в литературоведении, творчество Ф. М. Достоевского, который говорил о значимости для него Некрасова как поэта.

Экзистенциализм, философия XX в., зарождался еще в XIX-м. Развитие русского реализма совершалось одновременно с этим процессом и пришлось на эпоху расцвета позитивизма в России. Зарождение и развитие литературоведения и, в частности, некрасоведения в XX и отчасти XXI в. унаследовало позитивистский подход, вопреки, например, уже введенной в 1883 г. в научный оборот методологии гуманитарных наук, предложенной В. Дильтеем [Дильтей] (испытанным, но не ограничившимся влиянием позитивизма), или соображениям Н. А. Бердяева.

⁶ Несомненно, Некрасов продолжает мысль М. Ю. Лермонтова: «К добру и злу постыдно малодушны...» («Дума», 1838) [Лермонтов 1851, т. 1, с. 442–443].

Поправка на высказанные соображения уточняет современные представления как о перспективах дальнейшего изучения Некрасова и истории русского реализма, так и о методологии литературоведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Анненков, П. В.** Заметки о русской литературе прошлого года // П. В. Анненков // Современник. – 1849. – Т. 13. – № 1. – Отд. III. – С. 1–23.
2. **Бердяев, Н. А.** Смысл творчества (опыт оправдания человека) / Н. А. Бердяев. – Москва: Изд-во Г. А. Лемана и С. И. Сахарова, 1916. – 358 с.
3. **Данилевская, М. Ю.** Лирика Н. А. Некрасова и идеи В. Франкла: поиск личного смысла. Статья вторая. Отчаяние / М. Ю. Данилевская // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Серия 2: Искусствоведение. Филологические науки. 2026 (в печати). (а).
4. **Данилевская, М. Ю.** К вопросу о понятии факта в литературоведении / М. Ю. Данилевская // Печать и слово Санкт-Петербурга. Петербургские чтения – 2025: Сборник трудов. Санкт-Петербург, СПбГУПТД, 2026. – С. 284–291. (б).
5. **Данилевская, М. Ю.** Лирика Н. А. Некрасова и идеи В. Франкла: поиск личного смысла. Статья первая / М. Ю. Данилевская // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Серия 2: Искусствоведение. Филологические науки. 2026 (в печати) (с).
6. **Данилевская, М. Ю.** Мысли Н. А. Бердяева о литературе в контексте литературоведческих трудов первой трети XX века // Н. А. Бердяев в отечественной и зарубежной философии: Сборник статей / Отв. ред. и сост. А. А. Ермичёв. – Санкт-Петербург: РХГА, 2025. – С. 84–107.
7. **Данилевская, М. Ю.** Некрасов. Вокруг Некрасова: статьи разных лет / М. Ю. Данилевская. – Санкт-Петербург: РХГА, 2026. – 448 с., ил. (d).
8. **Данилевская, М. Ю.** Осколки голограммы: статьи разных лет / М. Ю. Данилевская. – Санкт-Петербург: Скифия, 2022. – 633 с., ил. (а).
9. **Данилевская, М. Ю.** Н. А. Некрасов в русской критике (1838–1848): творчество и репутация: монография / М. Ю. Данилевская. – Санкт-Петербург: Скифия, 2022. – 506 с., ил. (b).
10. **Дильтей, В.** Введение в науки о духе. Опыт полагания основ для изучения общества и истории / Пер. с нем. В. С. Малахова / В. Дильтей. – Москва: Дом интеллектуальной книги, 2000. – 762 с.
11. **Лермонтов, М. Ю.** Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. Стихотворения 1828–1841 годы / М. Ю. Лермонтов. – Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1961. – 755 с., 6 л. ил.

12. **Некрасов, Н. А.** Полн. собр. соч. и писем: в 15 т. / Н. А. Некрасов. – Ленинград; Санкт-Петербург: Наука, 1981–2000.
13. **Панаева (Головачева), А. Я.** Воспоминания / А. Я. Панаева (Головачева). – Москва: Правда, 1986. – 512 с.
14. **Франкл, В. Э.** Сказать жизни «Да!»: психолог в концлагере / В. Э. Франкл. – Москва: Смысл, Альпина нон-фикшн (АНФ), – 2019. – 237 с.
15. **Франкл, В. Э.** Человек в поисках смысла / В. Э. Франкл. – Москва: Прогресс, 1990. – 368 с.
16. **Шевырев, С. П.** Петербургский сборник, изданный Н. Некрасовым / С. П. Шевырев // Москвитянин. – 1846. – № 2. – С. 163–191; № 3. – С. 186–188.

REFERENCES

1. **Annenkov, P. V.** Zametki o russkoy literature proshlogo goda // / P. V. Annenkov // Sovremennik. – 1849. – Т. 13. – № 1. – Otd. III. – S. 1–23.
2. **Berdyayev, N. A.** Smysl tvorchestva (opyt opravdaniya cheloveka) / N. A. Berdyayev. – Moskva: Izd-vo G. A. Lemana i S. I. Sakharova, 1916. – 358 s.
3. **Danilevskaya, M. Yu.** K voprosu o ponyatii fakta v literaturovedenii / M. Yu. Danilevskaya // Pechat' i slovo Sankt-Peterburga. Peterburgskiy chteniya – 2025: Sbornik trudov. Sankt-Peterburg, SPbGUPTD, 2026. – S. 284–291.
4. **Danilevskaya, M. Yu.** Lirika N. A. Nekrasova i idei V. Frankla: poisk lichnogo smysla. Stat'ya vtoraya. Otchayaniye / M. Yu. Danilevskaya // Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta tekhnologii i dizayna. Seriya 2: Iskuststvedeniye. Filologicheskiye nauki. – 2026 (v pechati).
5. **Danilevskaya, M. Yu.** Lirika N. A. Nekrasova i idei V. Frankla: poisk lichnogo smysla. Stat'ya pervaya / M. Yu. Danilevskaya // Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta tekhnologii i dizayna. Seriya 2: Iskuststvedeniye. Filologicheskiye nauki. – 2026 (v pechati)
6. **Danilevskaya, M. Yu.** Mysli N. A. Berdyayeva o literature v kontekste literaturovedcheskikh trudov pervoy trety XX veka / M. Yu. Danilevskaya // N. A. Berdyayev v otechestvennoy i zarubezhnoy filosofii: Sbornik statey / Otv. red. i sost. A. A. Yermichev. – Sankt-Peterburg: RKHGA, 2025. – S. 84–107.
7. **Danilevskaya, M. Yu.** Nekrasov. Vokrug Nekrasova: stat'i raznykh let / M. Yu. Danilevskaya. – Sankt-Peterburg: RKHGA, 2026. – 448 s., il.
8. **Danilevskaya, M. Yu.** Oskolki gologrammy: stat'i raznykh let / M. Yu. Danilevskaya. – Sankt-Peterburg: Skifiya, 2022. – 633 s., il.

9. **Danilevskaya, M. Yu.** N. A. Nekrasov v russkoy kritike (1838–1848): tvorchestvo i reputatsiya: monografiya / M. Yu. Danilnvsкая. – Sankt-Peterburg: Skifiya, 2022. – 506 s., il.

10. **Dil'tey, V.** Vvedeniye v nauki o dukhe. Opyt polaganiya osnov dya izucheniya obshchestva i istorii / Per. s nem. V. S. Malakhova / V. Dil'tey. – Moskva: Dom intellektual'noy knigi, 2000. – 762 s.

11. **Frankl, V. E.** Chelovek v poiskakh smysla / V. E. Frankl. – Moskva: Progress, 1990. – 368 s.

12. **Frankl, V. E.** Skazat' zhizni «Da!»: psikholog v kontslagere / V. E. Frankl. – Moskva: Smysl, Al'pina non-fikshn (ANF), – 2019. – 237 s.

13. **Lermontov, M. Yu.** Sobr. soch.: v 4 t. T. 1. Stikhotvoreniya 1828–1841 gody / M. Yu. Lermontov. – Moskva; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1961. – 755 s., 6 l. il.

14. **Nekrasov, N. A.** Poln. sobr. soch. i pisem: v 15 t. / N. A. Nekrasov. – Leningrad; Sankt-Peterburg: Nauka, 1981–2000.

15. **Panayeva (Golovacheva), A. Ya.** Vospominaniya / A.Ya. Panayeva (Golovacheva). – Moskva: Pravda, 1986. – 512 s.

16. **Shevyrev, S. P.** Peterburgskiy sbornik, izdannyy N. Nekrasovym / S. P. Shevyrev // Moskvityanin. – 1846. – № 2. – S. 163–191; № 3. – S. 186–188.

Статья поступила в редакцию 27.08.2026 г.